

Тысяча чертей

1

Я родился в 1801 году в Южном Уэльсе в семье лавочника и прачки. Папа ушёл, когда мне не было и шести. "Надо было развивать торговлю", - язвили мать и сердобольные соседки. Кажется, он сгинул в одном из плаваний к северу, но меня это никогда не волновало. Единственной моей страстью стало море. Оно появилось в моей жизни сначала запахами от рабочей одежды отца, а воочию я увидел океан, когда мы с мамой переехали в Портленд.

Я любил море. Долгие часы чувство привязанности я развивал в нечто большее, сидя на скале и наблюдая за белыми барашками там, далеко внизу. Страха я никогда не испытывал - море было моим другом. Единственным.

Когда пришло время стать мужчиной, я ни капли не колебался. Море в тот день тоже было спокойно, как бы одобряя моё решение связать с ним свою жизнь.

Матросов на торговые и промысловые суда вербовали прямо в нашем городе, в портовых кабаках. Дармовое питьё делало местных пьянчуг сговорчивее. Те же, кто был моложе и умнее, на работу соглашались не всякую, да и в оплате разного труда разбирались лучше - парой кружек эля их было не заманить. Быть обманутым не хотелось, поэтому я особо тщательно выбирал не только тех, с кем пить, но и тех, с кем заводить разговор.

Как-то я, в очередной раз рассчитывая на везение, забрёл в порт. Несколько часов я бродил среди снующих туда-сюда грузчиков и более деловитых людей - наёмщиков. Засмотревшись на прибывающую в порт баркентину, я не заметил, как оказался на пути увлечённого раздумьями крепкого мужчины. Судьба не хотела развести нас, поэтому мы столкнулись.

- Чёрт! Малыш! Ты здесь что, памятником поработать решил?!

Я не нашёл сразу с ответом, но он и не понадобился.

- Чтоб меня черти драли, ты же тот, кто мне нужен!

После такого заявления я бы даже при желании ничего сказать не смог. Лицо моё выражало высшую степень удивления, но и без этого мой собеседник не стал тянуть с изложением деталей. Он оглядел меня, как скотину на рынке и начал перечислять увиденное.

- Достаточно крепкий. Руки, правда, слабоваты. Спина ненадёжная, но глаза умные. Стоишь ровно, дышишь глубоко. Рост хороший... Да. Ты определённо тот, кто мне нужен. Хочешь заработать, малыш?

Я безмолвно дал понять, что согласен, забыв не только о возможности быть обманутым, но и обо всём остальном. Я был абсолютно спокоен. Так мы соединились с морем. В тот день оно бурно радовалось этому.

2

Через три года я с трудом мог вспомнить детали своего первого плавания. Настолько оно было насыщено необычными откровениями о корабельной жизни, тяжёлой работой и впечатляющими событиями, которые со временем стали для меня обыденностью. И только море никогда не переставало восхищать меня. Словно женщина, учило меня оно терпению, благодарности, прощению, верности и пониманию.

В плаваниях я окреп, коричневым загаром защитил тело от палящего солнца, стал лучше разбираться в морском деле, насквозь пропитался солёной водой и отчаянно осмелел. В шторм я мог гулять по палубе, лишь изредка хватаясь за снасти. Волны, сбивавшие с ног моих товарищей, для меня были словно стайка бабочек, штормовой ветер ощущался дуновением от взмахов их крыльев, невообразимая качка представлялась движением детской карусели. Звук от разбивающихся о борт волн стал для меня лучшей музыкой на свете.

Ни одна музыка на свете, на мой взгляд, не обходится без пения. Ветру составляет пару листва деревьев, рассветам аккомпанируют птицы, а море... моё море зачаровывало мелодией вроде бы однообразной, но каждый день уникальной. И голоса ему не нужно. Но, как я уже заметил, ни одна музыка на свете не обходится без пения.

Про русалок говорили редко и только за ужином. Когда желудки наполнялись доверху и недовольства капитаном никто не выказывал, погода стояла мирная, а ночь отличалась беззвездностью и отсутствием луны. Обыкновенно старые моряки (чаще таких брали в камбуз) вспоминали о том, что произошло с ними (читай "их товарищами" или "неизвестно с кем") когда-то, но не очень давно. Почти все истории за очень редким исключением начинались так: неся вахту ночью, моряк услышал зов из моря. Заканчивались либо тем, что его находили без сознания, а то и без ума утром, либо тем, что не находили вовсе.

Но однажды повесть о русалках оказалась куда более занятной, чем я мог себе представить. И уж тем она была интереснее, что я слушал её в одиночку.

Очередной тихой ночью я нёс вахту на корме. Мне составил компанию старый Чарли. Выглядел он на все свои 67, но любому юнге давал фору в скорости и силе, а к советам его прислушивались многие капитаны. Мы сидели прямо на палубе, прислонившись к битенгам и глядя в черноту за бортом. Внезапно мне послышалось женское пение. Оно прекратилось так же быстро, как началось. Списав всё на усталость и ветер, я, тем не менее, мгновенно вспомнил про русалок.

- Как думаешь, о чём морякам поют русалки?

Чарли молчал. Я не отступал, справедливо полагая, что он может скрасить наше дежурство каким-нибудь рассказом.

- Я думаю, это нечто особенное. Какие-то звуки, которые зачаровывают глупцов, не заткнувших уши. Ты согласен, Чарли?

Он всё же ответил.

- Я знал когда-то человека, который слышал их пение.

Будь освещение лучше, я бы наверняка заметил, как при этих словах глаза Чарли перестали глядеть в ночь и обратились к чему-то внутри него, может, к прошлому.

- Это случилось, когда я был молод и суше радовался больше, чем морю. В одном из плаваний мы потеряли капитана - свирепствовала жара. Пока решалась судьба его тела, завещанного родным местам, портился груз, которому предстояли два последних дня плавания. К тому же ветра не было полтора дня. С надеждой на утренний бриз все отправились спать, а я - дежурить. Провести ночь в одиночестве мне было не суждено - со мной остался один из матросов. Я уж не помню, как его звали. Это был человек набожный, и держаться он предпочитал подальше от мертвеца. Сидя у входа в трюм мы разговаривали, чтобы отвлечься от дурных мыслей, и пока говорил один, второй читал про себя молитвы - я уж точно, что говорить о том богомольце. Постепенно усталость брала своё. Мы говорили всё меньше и меньше и, в конце концов, замолчали. Тишина стояла невероятная. Ни плеска рыбы или волн, ни скрипа досок - ничего. Не было слышно даже дыхания - моего и соседа.

Я провалился в сон и не могу помнить, что происходило в это время на палубе. Но, что удивительно и невероятно, всё наблюдал. Во сне. И не мог ничего сделать. Сначала увидел, как мой неспящий товарищ вздрогнул, а потом встал, наклонил голову, словно прислушиваясь, и пошёл по направлению к фальшборту. Я хотел, но не мог его остановить! А он наклонился над водой, какое-то время постоял так. Потом его словно что-то дёрнуло вниз, и он исчез за бортом. От ужаса я словно потерял сознание, но на самом деле очнулся. Вскочил и огляделся. Всё по-прежнему. А рядом лежит тот самый матрос. Весь мокрый и дрожит, а от его тела до фальшборта тянется мокрый след. Согреть мне его было нечем, да и не нужно - ночь уже который день оказывалась ни капли не прохладнее дня. Я присел рядом с ним и дотронулся. Он перестал дрожать. Я заговорил:

- Эй!

Он только всхлипнул и разрыдался. Я сидел рядом и не знал, что мне делать. Но он быстро успокоился, сел и повернул ко мне лицо. В тот момент захотелось бежать быстрее всех ветров на край света, и я убежал бы, не будь со всех сторон вода. Страха, который отпечатался на его лице мне никогда не забыть. Он словно постарел за время моего забвения. Я не мог пошевелиться, когда он начал рассказывать мне о том, что произошло.

Повествование было долгим, потому что он то и дело сбивался на молитвы. Рассказ свёлся к следующему. Он почувствовал сонливость, когда вдруг услышал женский голос и красивейшую из когда-либо слышанных им песен о тяжёлой доле моряка. В ней были и понимание, которого он не знал, и любовь, которой он не испытывал, и обещание лучшего мира. Он может сам посмотреть на тот край, в котором нет беспокойства и усталости и решить: оставаться или уйти. Взглянуть стоило, и он подошёл к самому краю палубы. Наклонившись, он увидел там, где предполагалась вода, цветущие луга, великолепные здания, чистые голубые озёра, впадающие в моря, а в морских даях паруса. Он знал откуда-то, что на одном из тех кораблей теперь служит покинувший их капитан. И он захотел туда.

Какая-то сила схватила его за плечи и потянула вниз. Спустя мгновение рот заполнился солёной водой, воздуха стало слишком мало, а на голову начала давить тёмная масса глубины. Он медленно терял сознание и понимал, что не видеть ему совершенного мира. Понимал, что его обманули, но знал, что виноват сам. "Не держу зла!" - была его последняя мысль. Внезапно ему стало легко, и сразу появилась возможность дышать. Он по-прежнему был в воде, но хорошо себя чувствовал и даже не волновался. Вокруг царил полная тьма - наверху, впереди, за ним и по бокам. Он даже не мог понять, стоит ли на ногах или замер в толще воды. Он был в бездне и стоял перед чёрной неизвестностью, словно провинившийся мальчуган, ожидающий горьких слов осуждения. Но их не было. В его голове возникла мысль. Чужая. "Ты первый, кто не держит зла". А потом ещё одна: "Это достойно поощрения". И много-много мыслей. Каждую сопровождали нежные прикосновения невидимых рук, а, может, и плавников. В голове вертелось: "Хочешь назад", "Все хотят", "Ты можешь", "Нужен обмен", "Отдай что-нибудь", "Отдай". Появлялись и свои мысли - ответы на чужие: "Хочу", "Как?", "Что?", "У меня ничего нет". И снова чужие: "Отдай дитя", "Сына". Свои: "Я хочу жить", "Я хочу жить", "Я хочу жить". Стало темно, холодно и противно. Кто-то рядом зашевелился. Потом дотронулся...

Так заканчивалась история несчастного матроса.

4

Я сидел, поражённый этой фантастической повестью, хотя рассказал мне её не герой этих событий и, вроде как, даже не наблюдатель. Пока я переваривал концовку истории, Чарли встал и сказал: "Тот несчастный матрос. Это был... твой отец. Прости". Ночь сгустилась, тишина загудела.

Очнулся я от того, что моё сердце колотилось в бешеном ритме. Чарли рядом не было. Оглядевшись, я понял, что во сне, видимо, откатился к фальшборту. Какая часть из того, что я запомнил, является правдой, сообразить не получалось. Но сердце не успокаивалось от слов "твой отец", от "прости", сказанного Чарли после. Нужно подняться и всё выяснить. Было ошибкой встать спиной к морю.

5

Человеческую фигурку рывком выдернуло с палубы в темноту. Послышался плеск. У трюма, как и 25 лет назад на другом корабле, сидел матрос, которого все знали как Чарли. Который сам не знал, кто он.